

А.Г. ЛЕВИНСОН

НЕ СТОИТ СЕЛО БЕЗ ПРАВЕДНИКА

Мне приходилось думать и даже писать о том, кто такой Левада, и при его жизни, и после его смерти. Опубликованное интервью 1990 года дает возможность подтвердить некоторые мои выводы самоаттестациями Левады.

Значение Левады заключается, берусь утверждать, не в том, что он был выдающимся социологом, хотя он, несомненно, им был. В условиях, что называется, «нормальной жизни» это и был бы академик, профессор социологии, автор трудов, создатель теории, основоположник школы. Ничего этого в его жизни не случилось. В академиках ходят у нас совсем другие, в профессорах он пробыл всего четыре, что ли, года¹, книжек написал немного, к теории лишь подступился², ни учеников, ни школы не имел³.

Но никто не скажет, что Левада — неудачник, что он «не состоялся». Битком набитая Большая Зоологическая аудитория на левадовских лекциях на рубеже 1960–1970-х, известные на всю Москву левадовские семинары, длившиеся годы и годы, — это знак другого. Настойчивость, с которой сперва советские, а затем постсоветские власти пытались его унять и убрать с его должностей, а на самом деле — с его позиций, как и дружная негодующая реакция далеко уже не

Левинсон Алексей Георгиевич — кандидат искусствоведения, заведующий отделом социально-культурных исследований Левада-Центра.
Телефон: (495) 628-86-92. **Адрес:** 109012 Москва, ул. Никольская, д. 17. Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)
Электронная почта: levinson@levada.ru

¹ Профессора ему пожаловал ученый совет факультета журналистики МГУ, когда Левада стал читать там лекции по социологии. А когда эти лекции были признаны вредными, этот же совет принял решение лишить Леваду профессорского звания. Это было решение, не имевшее прецедентов даже в годы массовых гонений и чисток. Замаранную честь факультета очистил его глава, успевший принести извинение у гроба Левады.

² См. его статью об игровых системах [1], о которой он сам говорит в этом интервью: «Лучшее из того, что я напечатал всерьез, по-моему, это статья об игровых системах» [2, с. 167].

³ «Социологический журнал» обратился в 2002 году ко мне и через меня к тем моим коллегам, кого можно было по формальным признакам считать учениками Левады, представителями его школы. О том, почему мы считаем, что школы и учеников у Левады не было, написано в моей статье «Феномен L» (измененный вариант, опубликованный уже после кончины Левады [3]).

вольной прессы на историю с государственной приватизацией ВЦИОМа — знак иного. Наконец, волны горечи, восхищения, скорби и ярости в Интернете вослед его смерти — все это знаки того, что Левада вместо выполнения возможных своих функций в науке об обществе оказался выполняющим функцию в самом обществе, в общественной жизни. Назовем эту функцию для начала словами, с которыми мало кто будет спорить. Скажем: Левада был моральным авторитетом.

Далее добавим, что он им был для широкой публики. Более широкой, чем та, которая краем глаза просматривает в прессе столбики и проценты разных социологических рейтингов, отмечая подпись: прежде ВЦИОМ, теперь — «Левада-Центр».

Скажем далее, что он был авторитетом — и именно моральным, а потом уже научным — для советского, затем российского социологического сообщества. При этом отнюдь не только для тех, с кем был дружен, кто был его единомышленником (некоторые из этих имен прозвучали в вопросах и ответах этого интервью). Гораздо важнее отметить значимость имени Левады для людей ему не близких, его не любивших. Очень существенно, что эти лица, которым Левада и руки не подавал, потому что не искал с ними встреч, которых не «критиковал», не «обличал», потому что они были ему не интересны (пример, приведенный в интервью, — его отношение к Руткевичу), постоянно ждали, что Левада нечто сделает, и боялись этого. Фобии горбачевской эпохи насчет того, не сдал ли он главную социологическую тайну Сахарову, трансформировались в страхи путинской поры насчет того, что именно Левада вот-вот уронит пресловутый «рейтинг президента».

Ирония судьбы состоит в том, что именно Левада не дал уронить этот рейтинг тем, кто в конце первого срока хотел убедить Путина, что в обществе у него никакой поддержки нет и единственный для него выход — это опереться на их силовые возможности. Гражданин Левада, как известно, не был обожателем Путина, и не престиж ВЦИОМа он защищал тогда, сказав свое веское «Нет, Путин по-прежнему популярен». Он понимал, что для реализации планов этих социологов в штатском потребовалось бы сотворить что-нибудь столь чрезвычайное, что позволило бы отменить выборы, ввести военное положение и т. п. Вот от чего избавила тогда нас всех его твердая позиция. Ну а почему ему поверили на слово те, кто вызвал его для беседы? Да потому, что Левада и для них был высший моральный авторитет.

Судьба Левады несколько не похожа на судьбу Сахарова или Солженицына. Он не был страдальцем. Не был ни в тюрьме, ни в ссылке. Социология, которую он пытался возродить в СССР, была разгромлена в начале 1970-х, но меры, предпринятые против него лично, язык не повернется назвать репрессиями. Сам он даже с определением «опала», как видно из интервью, не очень склонен соглашаться. Его не вызывали на допросы. Те, кого Левада в интервью

поименовал «начальством», конечно, приглядывали за ним и людьми его круга, не давали воссоединиться и возродить сектор, — но и все.

Если не репрессии и страдания, если не многотомные труды или распространяемые в самиздате памфлеты, если не государственные награды и посты, что же тогда сделало Леваду моральным авторитетом? Мне кажется, что интервью вращается вокруг именно этого вопроса. Левада понимает этот вопрос и дает на него ответ. Это понимает и публикатор, который вынес в заголовок интервью слова Левады: «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе» [2, с. 164].

«Естественность» вообще можно считать ключевым словом для ответов, которые дает Левада на этот вопрос. Это слово встречается в его фразах почти двадцать (!) раз. Он повторяет и повторяет, варьируя модальности: «Я вообще старался вести себя естественно» [2, с. 163]; «Мне казалось, что я вел себя естественно» [2, с. 164]; «По-прежнему я представляю, что я вел себя естественным образом» [2, с. 165].

Слово не принадлежит к излюбленным в левадовском вокабуляре. Оно оказалось кстати в момент интервью, когда пришлось осмысливать свой собственный опыт как опыт общественно значимый, как опыт гражданский. В каких же условиях Левада повел себя «естественно»? Снова скажем — не на допросе, не под пыткой и не на сцене перед аплодирующей многотысячной аудиторией. Он повел себя «естественно» в такой широко распространенной социальной ситуации, в которой находилась если не вообще вся отечественная интеллигенция, то та ее часть, для которой существование при советской власти было хоть в какой-то степени нравственно проблематично.

Именно эта ситуация проблематичности описана в интервью, причем не исторически, а социологически. С раскладкой по социальным ролям, с представлением социального действия: того, как одни группы строили свое поведение относительно других.

Итак, есть власти, начальство. О них Леваде здесь нечего говорить, они определяют ситуацию. Есть далее люди, которые этого начальства страшатся. Левада делает оговорку: «В эти годы не существовало тотального всеохватывающего страха — страха за жизнь и свободу практически не было» [2, с. 158].

Но это он говорит в значительной степени о самом себе. У него страха, действительно, не было. А природа страха у того, у кого он есть, такова, что страх не зависит от размеров опасности, воображаемой или реальной. Известно, что иные здоровые люди умирали от инфаркта, испугавшись выговора, и что иные слабые спокойно смотрели в глаза расстреливающим их.

В интервью обозначена эта социальная роль: боящиеся.

«Есть люди, которых охватывал очень большой страх, раздутый вокруг каких-то моих действий, который в невероятное количество

раз превосходил сами эти действия» [2, с. 163]. Интонация сожаления, если не презрения, не скрыта. Яснее ясного, что от них Левада себя дистанцирует, и далеко.

В интервью названа и другая социальная роль. Она вроде как популярна предыдущей. Упомянуты *люди, которые шли на риск*, и сказано: «Они знали, на что шли» [2, с. 168].

Я был свидетелем тому, что Левада поддерживал отношения с людьми, за которыми была установлена слежка. Он ходил в дома тех, кому угрожали серьезные приговоры по политическим статьям. И ходил, что называется, «не пустой». В отсутствие Интернета самиздат мог распространяться только за счет того, что люди носили его из дома в дом. В этом смысле он тоже знал, на что шел. Этих людей он называет *отчаянными диссидентами*. Себя он не считал никогда «диссидентом», смеялся над теми, кто позднее пытался его записать (из лучших чувств) в эту категорию. Но дело не в его особой скромности, мол, куда нам. От них он тоже дистанцируется по весьма существенным причинам: «Это был замкнутый круг. К сожалению, дело свелось к тому, что они защищали не права граждан, а права друг друга. Их сажали, они друг за друга боролись, тех сажали, и так далее» [2, с. 161]. Это едва ли не самый суровый приговор, который в 1990 году мог быть вынесен диссидентству.

Есть, наконец, еще одна обозначенная Левадой социальная роль на арене последних советских десятилетий: «Было много людей, которые говорили: конечно, все дурно, но, в общем-то, жить можно, и лучше на рожон не лезть, потому что может быть только хуже». Он открытым текстом говорит об этой позиции: «...мне это не нравилось...» [2, с. 158].

Собственно говоря, картина типов советского общества почти исчерпана. Намечены еще не типы и роли, а личности. Это друзья: например, И.С. Кон, о котором сказано: «Он решительно все понимал...». Далее упоминаются другие люди «из числа тех, которые знали меня близко». Их характеризует то же самое: «они понимали ситуацию» [2, с. 159]. Те, кто понимал (наша «понимающая социология»), выделены в особую категорию, и не о них речь.

Итак, Левада себя отъединил от всех значимых социальных субъектов. Другим отведено особое место, но не роль поддерживающих, а «роль немешающих». Он один: «Я довольно одинокий волк всю жизнь» [2, с. 165].

Почему он не приемлет ни одну из обозначенных типовых позиций? Ввиду их аморальности. Он не бросает никому обвинений, никого не учит жить, он просто уходит и от тех, и от этих. Уходит, оставаясь в миру. Отказываясь эмигрировать, отказываясь «с головой уйти в науку», в искусство, в пьянку, в секс... куда еще можно уйти с головой в России?

Сделано ли это по расчету, умом, которого Леваде-то не занимать? Оказывается, нет. Здесь становится понятно, почему ему так пригodiлось слово «естественно». Ему хочется сказать нам, что это он такой от природы, что у него такая природа: «Я считал, что я должен вести себя просто естественно, так, как я могу вести себя, а не так, как не могу. И все». [2, с. 158].

Он дважды напрямую заявляет о том, что его выбор не был рациональным, умственным, сделанным по зрелом размышлении: «И думать тут не приходилось, поскольку я полагал, что веду себя естественным образом» [2, с. 158]; «Никаких особых размышлений мне не приходилось делать, потому что все шло естественно. Естественно было так себя вести» [2, с. 162].

Мне довелось наблюдать, как это происходило, как Левада занимал позицию. Дело было посложнее, чем найти себя в описанном выше треугольнике нечестивых. От его товарища отвернулись знакомые. По Москве ходил слух о том, что на допросах этот человек, как тогда говорилось, «плохо себя повел», то есть сдал каких-то людей. Этот слух принес Леваде, в частности, я. Я помню каменную жесткость, с которой Левада сказал: «Этого не может быть». Я что-то изрекал насчет того, что «там» с человеком может сделаться всё, что угодно... Левада еще жестче оборвал: «Не всё». Его правота, облыжность подозрений и обвинений были доказаны через несколько недель.

Я очень много думал над этим уроком. Левада в отличие от многих и многих жил в, быть может, ужасном, но ясном мире. Мир для него был устроен постигаемо. Потому что был устроен нравственно. Левада без колебаний различал в каждом житейском или политическом случае, где добро, где зло.

Таких людей не много, но они есть. Они становятся моральными авторитетами для своего ближайшего окружения. Левада же в последние десятилетия его жизни оказался на роли более высокой и сложной. Почему?

Думаю, что это произошло за счет сочетания этой развитой способности нравственного суждения с еще одной. Ее зовут несуетностью, или мудростью: Левада никогда не путал важное и неважное. И никогда не тратил на неважное ни внимание, ни чувства. Соразмеряться с его масштабом бывало нелегко. То, с чем ты носился, в его присутствии вдруг теряло значение. В политической жизни он мог вдруг уцепиться за деталь, которую упускали остальные, но от сенсации, которая была у всех на устах, отвернуться, издавая свое равнодушно-презрительное кряхтение.

Мне не кажется нужным выяснять, откуда у него эта «естественная» способность и природна ли она, либо это результат настойчивого

самовоспитания. Нужно увидеть, что она им самим заявлена как безусловная, абсолютная, то есть как ценность. Интервью — об этом.

Что Левада обладал прямым контактом с миром высших ценностей, это чувствовали тогда, а что он и был их носитель, поняли теперь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левада Ю.* Игровые структуры в системах социального действия // Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Наука, 1984.
2. *Левада Ю.* «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе» // Социологический журнал. 2008. № 1.
3. *Левинсон А.* Феномен L // Отечественные записки. 2006. № 6.